

Мин. Россия,
1978, 8 сент.

**ПОИСКИ
И
НАХОДКИ**

НЕСОКРУШИМОСТЬ

В толстом томе каталога личной библиотеки Н. П. Румянцева сотрудниками Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина были обнаружены два листа автографа Льва Николаевича Толстого. Это план рассказа «Севастополь в августе 1855 года» и первоначальный набросок эпизода гибели Володи Козельцова.

План был составлен спустя три с половиной недели после оставления Севастополя русскими

ми войсками в местечке Керменчик близ Бахчисарая, о чем Лев Николаевич 23 сентября сделал запись в дневнике: «...составил план С. в ав.».

Этот план, где показан конец севастопольской обороны, обширный. Он содержит 41 пункт. И Толстой, работая над рассказом, в основном придерживался его.

Кое-где он сделал незначительные перестановки, иногда объединял в одну главу два пункта плана, поэтому в рассказе 27 главок. Отдельные эпизоды или лица, названные в плане, в рассказ не вошли. Писатель заменил фамилию братьев, первоначально названных Чернищевыми, на Козельцовых, а старшего брата, которому сначала дал имя Юрий, назвал Михаилом.

В конце рассказа Лев Николаевич отошел от плана. Он прежде дал штурм 5-го бастиона, ранение и смерть Михаила Козельцова, а потом показал эпизод боя за Малахов курган и гибель Володи. Сделав такую перестановку, Л. Н. Толстой, для которого характерна большая точность в изображении севастопольских событий, нарушил последовательность в изложении хода штурма 27 августа 1855 года, начавшегося на Корабельной стороне ровно в полдень.

Бой за 5-й бастион, в котором был смертельно ранен Михаил Козельцов, происходит не утром, как описывает Толстой, а во второй половине дня, после падения Малахова кургана. Но развитие сюжета потребовало от писателя именно такого раскрытия событий. По плану и найденному вместе с ним черновому наброску младший Козельцов — Володя погибает в схватке с ворвавшимися в блиндаж французами, бросившись на штык, направленный ему в грудь. В плане это названо «Убийство в блиндаже».

Л. Н. ТОЛСТОЙ — поручик артиллерии.

В окончательной редакции рассказа мы видим Володю Козельцова во время боя за Малахов курган. «Стрелять картечью!» крикнул Володя, сбегая с банкета; но уже солдаты распорядились без него, и металлический звук выпущенной картечи просвистел над его го-

ловой, сначала из одной, потом из другой мортиры. «Первое! второе!» командовал Володя, перебегая в дыму от одной мортиры к другой и совершенно забыв об опасности». Момент гибели Володи Толстой не показывает, а изображает его смерть так: «Что-то в шинели ничком лежало на том месте, где стоял Володя, и все это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших».

План заканчивается пунктом: «Несокрушимость».

Толстой, видевший, как русские войска стойко защищали город и мужественно перенесли его оставление, оценил финал севастопольской трагедии не как поражение, а как моральную победу русских.

Сохранив навсегда глубокую веру в силу духа и несокрушимость русского народа, писатель позднее ту же мысль высказал в «Войне и мире». Несмотря на то, что русские оставили поле бородиноского сражения, моральная победа осталась за ними.

С. ВЕНЮКОВА
СЕВАСТОПОЛЬ